

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Правильно:
коровы

Лев Амбиндер

руководитель Российского фонда помощи

Недавно приехал друг-журналист со Ставрополя. Он был в станице Барсуковской в июньский потоп. Самое жуткое, говорит, это даже не растерянные люди на крышах своих домов. Самое жуткое — это когда мимо летит детская кроватка с застрявшей простыней и мертвая корова тяжело ворочается на скачущей воде, выбрасывая вверх копыта на перекатах. А на небе облака, на деревьях птицы, ты на крыше — и это счастье. Потому что жив.

Самые тяжелые потери юга России от потопа именно у Ставрополя. А здесь удар пришелся на станицу Безруковская, село Надзорное и еще несколько соседних хуторов. Потоп унес жизни одних и разорил жизнь других. Когда вода ушла, на поверхности остались, в сущности, две проблемы. Где жить и как? Средняя зарплата станичников не превышает 1200 руб. Стало быть, сбережений на черный день нет. Спасало хозяйство, «личный сектор» скота. Жилье восстановило государство. А как восстановить «личный сектор», не знает никто. Страховщики не помогут: скот поголовно не был застрахован.

Первая кормилица здесь — корова. И вот, уважаемые друзья, вам предложение от Российского фонда помощи. Давайте купим каждой пострадавшей семье по корове. Конечно, вам решать, удачна ли эта затея. Но если принимаете, то давайте прежде вместе все обсудим.

За шесть лет существования фонда мы провели несколько акций в дни национальных трагедий. 1997 год: сбор денег семьям погибших в Кузбассе горняков. 1998 год: помощь семьям створивших на пожаре сотрудников самарского УВД. 1999 год: помощь пострадавшим от взрывов в Москве и Волгодонске. 2000 год: помощь вдовам и матерям моряков атомной подлодки «Курск». Наиболее крупный результат пришелся на «курскую» акцию. Лишь в первую неделю после публикации в „Ъ“ собрали свыше 10 млн руб. Сбербанк, понятно, мертвой хваткой хранит тайну вкладов, и полдюжины размеров помощи не узнать. Наверное, это и правильно. Я об одном сожалею. Так и не опубликовал тогда имена всех вас, частных лиц, компаний и банков, российских и зарубежных, кто тогда сообщил о своих переводах.

Главным достоинством тех акций являлась очевидная чистота и прямота схемы помощи. Мы открывали семьям и публиковали лицевые счета, и вы сами решали, кому помогать. Никаких общих счетов и комиссаров, полная гарантия адресности помощи.

Для «коровей» акции эта схема, как мне кажется, вряд ли оптимальна. Впервые сама задача несколько иная. Те акции были выражением нашего сострадания и участия. И, может быть, дело было даже не в суммах. Не только в них. Теперь речь идет еще и о спасении обреченных на голод, о его цене. И что если одним достанется на три коровы, а другим и на рога не хватит?

По данным сельских администраций края, потоп уничтожил как раз «личный сектор». Погибло 466 голов крупного рогатого скота (КРС), 95 голов мелкого (МРС) и 12 136 голов птицы. «Общественный сектор» удивительным образом спасся: потеряно «всего» 62 теленка. Этот факт, по-моему, дорогого стоит. Похоже, обошлось без крупных приписок.

Еще удивительны данные краевого штаба. Их сообщил замминистра сельского хозяйства края Николай Дорохин: собрано 611 трупов КРС, 261 голова МРС и 24 963 головы птицы. «Налицо, — сказал господин Дорохин, — несовпадение со статистикой сельских администраций». Но тут есть и объяснение. Во-первых, часть трупов в край принесло с верховий. А во-вторых, села учитывали гибель только зарегистрированного скота. А люди повсюду держали еще и неучтенный молодняк.

Однако начнем сначала. Есть три вопроса. Кому помогать? Где брать коров? Как собирать деньги? Если не найти ответы, то затея обернется загодиком в «Рога и копыта».

Списки семей, оставшихся без коров, сейчас нам составляют местные власти, этим руководит вице-мэр Ставрополя Юрий Плотников. Тем же занята группа союза «Гражданское общество — детям России» Элли Памфиловой. Планируется выезд бригады журналистов „Ъ“. Отбираем семьи, где погибли коровы, а не просто КРС (бычки исключены). Список возглавят семьи с детьми и инвалидами.

Если с первым вопросом все более или менее понятно, то остальные будут посложнее. Уже ясно, что если дарить, то не корову, а племенную телку. Корову прослужит от силы два-три года, а телка — до семи-восьми лет. Также ясно, что на Ставрополье телками сейчас не разживешься. Скот придется закупать в Воронежской области и Подмосковье. Господин Дорохин по нашей просьбе подюжины поставок племенного скота, и вскоре мы узнаем, откуда, кто и как завезет телок.

Если, конечно, удастся собрать деньги.

Цена телки станет известна при определении поставщиков. Пока Минсельхоз называет сумму в 25 тыс. руб. Открывать спесчет мы по-прежнему считаем делом пропавшим. Читатель не верит комиссарам на раздаче, а без них у общего котла не обойтись. Может, предложить людям обоих секл на сходе избрать человека, на которого и открыть счет? Или завести счет у поставщиков с субсчетами на каждую семью и с условием, что в случае, когда для одной семьи соберется нужная сумма, то деньги автоматом перетекут к следующей, той, сбор для которой уже максимально подобрался к цене. Как это происходит сейчас, когда вы помогаете деньгами детям со сколиозом. Ваши деньги в клинике, где оперируют горбы, переходят на следующего бедолагу, если тот, кому вы отправляли, уже получил сполна.

Ваше мнение, друзья? Звоните, пишите.

Ольга Паршикова: нам бы еще \$250 тысяч!

Ольга Паршикова, заведующая отделением новорожденных Клиники акушерства и гинекологии Московского медицинского академии имени Сеченова (бывший Первый медицинский) и героиня нашей публикации «Средство от смерти» („Ъ“ от 17.05.02), выглядит довольной. Даже очень. В клинику поступило оборудование еще на \$8185, и в сумме читатели уже собрали \$45 586, что «просто удивительно и замечательно». Правда, пока нет денег на шесть шприцевых насосов «Компакт» (\$7115).

— После отпуска у нас будет колоссальный праздник, — сказала Ольга Васильевна. — Это же мечта, а не оборудование.

Мы встретились как раз в канун отпуска акушеров, и веселая госпожа Паршикова предложила: «А слабо съездить в „Тихую гавань“? Председатель совета директоров «Гавани» Михаил Лернер оказался одним из основных дарителей (\$17 860), и мы отправились к нему (см. фото нашего корреспондента). Начальница

Когда дошло до рукоприкладства, врач Ольга Паршикова попросила у предпринимателя Михаила Лернера еще денег. ФОТО СЕРГЕЯ МИХЕЕВА

акушеров прилюдно расцеловала Михаила, приговаривая: «Просто удивительно и замечательно». Тот в ответ прикладывался к ее руке и не находил что ответить. В итоге госпожа Паршикова сказала, что отделению очень не помешает еще оборудование на \$250 тыс.

Аллергия на жизнь

Как помочь девочке, которой ничего не помогает

Аллергия у людей бывает обычно на что-нибудь такое, от чего можно отказаться. На цветочную пыльцу (а не надо гулять по лугам), на собачью шерсть (а не держите собак). Реже, значительно реже аллергия бывает на самое необходимое. На чистый воздух, на питьевую воду или, вот как у этой больной диабетом девочки, — на инсулин.

Оле Вихоревой 11 лет, и диабет у нее врожденный. Если сахар в крови не приводить в норму, то девочка не будет расти. Она и так почти не растет. Она выглядит лет на девять, потому что в последние годы инсулин на нее не действует, и сахар зашкаливает за 30 — это такая цифра, услышав которую про 11-летнюю девочку, врачи или взрослые диабетики говорят: «О господи!»

Если сахар не приводить в норму, годам к 30 почки перестанут работать, и надо будет регулярно проводить гемодиализ и ждать донорских почек, которые почему-то именно у диабетиков особенно часто отторгаются. Про почки Оля ничего пока не чувствует. Говорит, что с почками у нее все нормально. А доктор слушает ее и печально качает головой.

Если сахар не приводить в норму, опять же годам к 30 Оле придется ампутировать ноги. Про диабетическую гангрену стоп Оля не думает. Она только красит ногти на ногах красным лаком, потому что одноклассницы уже похожи на девушек, а она — все еще на девочку. И еще Оля надевает туфли на высокой платформе, потому что одноклассницы высокие, а она маленькая.

Если сахар не приводить в норму, то девочка ослепнет. У нее и сейчас уже растет катаракта, только Оля этого не замечает. Просто как будто иногда что-то мелькает в глазу поверх видимого мира, а так просто страшно и обидно, когда врачи говорят про операцию или полную слепоту.

Она вырастет женщиной, Оля не увидит себя в зеркале. Она красивая девочка. Только у нее сахарные щеки.

Аллергия на инсулин бывает у диабетиков крайне редко. Доктор может припомнить не больше двух случаев во всей своей практике. Аллергия на инсулин никак не проявляется. Никаких покраснений на коже, никакого кашля. Инсулин просто не действует, а человек думает, будто все в порядке.

Если не измерять сахар, то довольно долго ребенок будет казаться здоровым, а потом вдруг в одночасье все начнет рушиться: почки, глаза, печень, нервы, сосуды.

Олина мама чувствовала. Она говорила врачам в Петербурге, но врачи не верили. Врачи говорили, что аллергия на инсулин почти не встречается в практике. Тогда Олина мама повезла девочку в Москву, и там врачи сказали: «О господи! 30? Сколько уже времени? Пять лет? О господи!»

Инсулины бывают разные. Врачи в Москве перепробовали их один за одним, и на все воз-

Если сахар в ее крови не приводить в норму, то, став женщиной, Оля не увидит себя в зеркале. Ослепнет. ФОТО ВАСИЛИЯ ШАПОШНИКОВА

можные виды инсулинов Оли была аллергия. В конце концов более или менее подходящий препарат нашлся. Только он очень короткий. Инсулины бывают короткими и длинными. Обычные инсулины достаточно колоть два раза в день, а этот такой короткий, что его пришлось бы колоть каждые два часа или каждый час, включая ночь. Не есть, не спать, не играть в классики, не смотреть мультики, а только отложить ампулу, уколоть, поддержать спиртовую ватку на месте укола, измерить сахар и уже готовить новую ампулу. И так всю жизнь без выходных, если не хочешь, уже в 30 лет быть слепой, безногой и ждть, прилепившись к аппарату, донорскую почку.

Для таких коротких инсулинов придумана специальная машинка величиной в два спичечных коробка. Коробочку цепляют на пояс, катерет от нее вводит в вену на животике, и коробочка сама, когда надо, подает нужное количество инсулина в кровь. Что-то вроде искусственной поджелудочной железы. Что-то вроде компьютерного шприца. Со всеми иголочками и трубочками машинка эта сто-

ит \$8506. И московский врач смело написал в истории болезни, что, дескать, придумал, как спасти Олю Вихореву. Надо только очень короткий. Инсулины бывают короткими и длинными. Обычные инсулины достаточно колоть два раза в день, а этот такой короткий, что его пришлось бы колоть каждые два часа или каждый час, включая ночь. Не есть, не спать, не играть в классики, не смотреть мультики, а только отложить ампулу, уколоть, поддержать спиртовую ватку на месте укола, измерить сахар и уже готовить новую ампулу. И так всю жизнь без выходных, если не хочешь, уже в 30 лет быть слепой, безногой и ждть, прилепившись к аппарату, донорскую почку.

Мама Оли Вихоревой работает в Доме пионеров. Ведет кружки макраме и плетения корзиночек из бересты. Она тихая рукодельница. Она все понимает. Нельзя же ради ее девочки не проводить пивной фестиваль и не строить коль-

цевую автомобильную дорогу по \$300 за квадратный метр.

— А вам не обидно, — спрашиваю я, — что в ответ на призыв президента оздоровить нацию тут вводят производственную гимнастику в коридорах Смольного?

— Нет, я же понимаю... На месте Олиной мамы я бы прокинула этот город со всеми его каналами, дворцами, имперским величием, Медным всадником и питерской командой. Но Олина мама никого не проклинает, а просто смиренно просит: \$8506. Чтобы спасти дочь.

После школы мама ведет Олю в этот свой Дом пионеров и там учит делать искусственные цветы, словно готовит в слепые цветочницы из фильма «Огни большого города».

— Из чего ты делаешь цветы, Оленька?

— Из бумаги и крахмала. Я хотела бы еще, чтоб у меня были французские духи, и тогда я добавляла бы по капельке в каждый цветок.

Мы беседуем в московской больнице. У Оли на животике маленькая машинка, принадлежащая московской больнице и выделенная Оле лишь на время. Сегодня машинку снимут, и Оля уедет домой. Завтра утром, когда почти одновременно с Олиным поездом на Московский вокзал в Петербурге прибудет «Красная стрела», по радио заиграют «Имн великому городу». К этому времени сахар в Олиной крови опять выстрелит до кататрофической отметки 30.

ВАЛЕРИЙ ПАНОШКИН

Из свежей почты

Татьяна Осипенко, 12 лет, грудной сколиоз четвертой стени, требуется операция по коррекции позвоночника, 200 156 руб.

Пишет мама Тани Осипенко из богом забытой деревни. Беда поступалась в наш дом, вошла, живет и не собирается уходить. Бьемся изо всех сил, но самим ее не одолеть. У меня трое детей, школьники, Тана младшая, мужа зовут Василий, а мне 35 лет. Тана пошла в школу с пяти лет, очень хотела учиться. Теперь она в санаторной школе и все же тает на глазах. У нее сколиоз четвертой стени с реберным горбом. Она сильная и терпеливо переносит страдания. Она верит мне, а мы живем почти без денег. Прежде не жаловались, наоборот, радовались жизни. Массаж, грязь и лечебная гимнастика не помогают. Горб растет, несмотря на корсет, в котором ходим, сидим и спим. Нужна операция, она стоит 200 тыс. руб. Если бы 20 тыс., мы бы хозяйство пустили под нож, а дочь спасли. Куда ны обращалась, везде разводят руками. Плачу и все равно внушаю Тане: «Мир не без добрых людей». Но что я могу? Я дворка, вот тут я профессионал. *Марина Осипенко, Новосибирская обл.*

Как считает директор клиники новосибирского НИИТО Михаил Михайловский, «у Тани крайне деформирован позвоночник и болезнь прогрессирует. Операция обязательна». По словам главного специалиста облсоцзащиты Дмитрия Драгункина, в семье Осипенко душевой доход — 434 руб. в месяц, «этих трудолобивых людей выручают огород в 20 соток и домашний скот».

Анна Алексеева, безработная, нужна стиральная машина, 12 тыс. руб.

Пишет вам безработная. Я ухаживаю за мамой, инвалидом первой группы по зрению. Работу при этом домашнем занятии найти невозможно. В 1996 году мама сломала шейку бедра, ее парализовало, она совсем не встает и даже ложку ко рту поднести не может. В туалет я ее не могу водить и в ванной давно уже не мою. Если кто знает, как это — ухаживать за тяжело больным, медленно умирающим человеком, тот поймет меня. Вот к этим людям я и обращаюсь. Если есть возможность, помогите приобрести стиральную машину с программным управлением. Ведь стираю постельное белье по шесть-семь часов в сутки. Живем мы на мамину пенсию 1360 руб. С уважением ко всем, кто поможет поправшим в беду, *Анна Алексеева, Иркутская обл.*

По нашей просьбе замначальника отдела местной соцзащиты Валентина Волкова побывала у Алексеевых дома: «Все правда. Бедность большая, но чисто, Аннина мама лежит ухаживаемая. По квартире развешено на просушку постельное белье. Стиральная машина очень нужна. „Индезит“ у нас стоит 12 тыс. руб. Мы у себя все обсудили и решили предложить Ане работу — обслуживать престарелых на дому на два-три часа в день. Она заблудная, справится. И зарплата около тысячи рублей». Реквизиты Алексеевых и местного поставщика есть в фонде.

Елена Левченко, 29 лет, бесплодие, на лечение требуется 46 тыс. руб.

Здравствуйте! Очень прошу, посодействуйте. Моя жена Елена Владимировна в результате перенесенного заболевания не может самостоятельно иметь детей. Для нас это трудный вопрос. А семья без детей теряет смысл, ведь в детях главное счастье. Можно, конечно, усыновить чужих, но это одно, а продлить себя — совсем другое. Елена сильно переживает. Я стараюсь вида не показывать. Но тоже больно. Операция по искусственному оплодотворению в Тюмени стоит 60 тыс. руб. А нам удалось скопить только 14 тыс., и помощи ждать неоткуда. Я обратилась в несколько организаций, да все зря. Тинуть же с операцией, говорят врачи, очень нежелательно. После 30 лет эффективность резко снижается. А Лене 29. Раньше мы мечтали о большом семействе. А так хотя бы одного родить. Помогите нам, пожалуйста. *Левченко Сергей Викторович, Тюменская обл.*

По сообщению начальника отдела местной соцзащиты Светланы Колосовой, Сергей — «частный предприниматель, вырезает сувениры из дерева, среднемесячный доход — 2500 руб.». А Лена не работает: негде. Детей нет. Тюменский медцентр «Малыш» прислал в фонд счет на лечение бесплодия Елены Левченко стоимостью 60 тыс. руб.

Лера Завражкина, 3 года, ДЦП, 51 тыс. руб. на лечение.

Валерии три года, у нее детский церебральный паралич. Сначала никто не верил, что выживет, потом — что вырастет человеком, а не овощем. А она уже человек! Первые 14 минут на свете она не дышала. Врачи сказали, что умерла. И вдруг заметили пульсирующую венку на шее. На двенадцатые сутки ее уже хотели отключить от аппарата искусственного дыхания, как она задышала сама. В полтора года, когда мы поехали в центр Сковорода, она еще не держала голову. И вот мы прошли четыре курса, и Лера уже стоит, хватая предметы и если лечить, то скоро сама пойдет. Такое счастье! Нынче надо пройти еще два курса. А они платные. Первые оплатил чужой (родной!) человек. Даже фамилии не знаю. Теперь он уехал, я в отчаянии. Муж — рабочий, а один курс стоит 25 500 руб. Эта беспомощность — такое горе. *Лера Завражкина, Подмосковье.*

Начальник детского отдела местной соцзащиты Ирина Павлова сообщила, что Ленин муж пошел в трактористы, обещает зарабатывать до 4 тыс. руб.: «Но на лечение все равно не соберут». А главврач центра Ольга Тарасова находит Леру перспективной: «Еще пять курсов — и научится себя обслуживать. И интеллект на удивление сохранен». Реквизиты центра есть в фонде.

Катя Приказчикова, 19 лет, кифосколиоз четвертой стени (горб). Операция по коррекции позвоночника обойдется в 96 850 руб.

Вы моя последняя надежда. Давеча встретила женщину, ее дочь вы избавили от горба. Она дала ваш адрес. У меня тоже дочь, Екатерина, ей 19. Все эти годы она страдает. В роддоме ей занесли инфекцию, и Катя перенесла флегмону новорожденных. В результате после отторжения мышц на ее спине образовались коллоидные рубцы, началась деформация позвоночника и груди. Многие годы наша медицина не знала, как спасти Катю. А теперь новосибирское НИИТО берется сделать ее прямой, словно ничего и не было. И от рубцов избавить. Операция стоит 186 850 руб., у нас их нет. Катя на инвалидности, пенсия 660 рублей. Я почтальон, 2 тыс. руб. в месяц. Медсанчасть № 51 нам выделила 90 тыс. руб., остальные должны найти сами. Представьте наше отчаяние! Катя закончила курсы медсестер. Этого, конечно, мало, чтобы сейчас найти работу. Она мечтает о медицинском, о собственной семье. Понимаете, найди мы деньги — и ее ждет второе рождение. *Тамара Приказчикова, Красноярский край.*

Вот мнение врача клиники вертебрологии новосибирского НИИТО Андрея Ханаева: «Кате показано оперативное лечение с имплантацией инструментальной Cotrel-Dubouset-Hogison. Львиная доля стоимости операции приходится на него. Для Кати это единственный шанс». Реквизиты НИИТО есть в фонде.

Остальные письма из свежей почты фонда читайте на нашем сайте www.rusfond.ru.

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которым оказали в беде, и людьми, готовыми помочь. Мы получаем письма-просьбы и после тщательной проверки публикуем их в «Коммерсанте», журнале «Домовой» и на сайте www.rusfond.ru. Если вы решили поддержать авторов-бедолаг — звоните в фонд, получаете их необходимые реквизиты и дальше действуете самостоятельно.

Адреса фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru
Тел: (095) 943-91-35, 158-69-04. E-mail: rfp@kommersant.ru

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».